

ПЕРСОНАЖИ СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ В ИСКУССТВЕ:

Лес и лесные духи

Лес — одно из важнейших мест действия восточнославянской волшебной сказки. В нем живет Баба-Яга, через него проходит дорога в Кашеево царство, в лесу героя подстерегают опасности и испытания, и там же он встречает верных помощников-зверей (серого волка, медведя, мудрого ворона). За далекими лесами находится волшебное "тридевятое царство-тридесятое государство", в котором сосредоточено все лучшее, желанное, чудесное (гусли-самогуды, жарптица, прекрасная царевна). Эти красочные и забываемые образы волшебной сказки отражают древнейшие мифологические представления славян о лесе как воплощении чужого, враждебного человеку пространства, месте пребывания злых сил, границе между своим и чужим мирами, между царством живых и царством мертвых.

Для славянина враждебность лесного пространства во многом объясняется самим историческим типом хозяйст

вия: "подсечное" земледелие заставляло неустанно отвоевывать у леса все новые территории, а лес при малейшем недосмотре наступал, возвращая себе отнятое. Экстенсивный характер земледелия делал необходимым постоянное перемещение, освоение новых угодий; следовательно, борьба человека с лесом никогда не прекращалась.

Лес окружал жилище древнего славянина со всех сторон, он был огромен, неизведан и потому пугающ. Мрачным гимном угрюмому великолепию восточнославянских лесов звучат слова С.Максимова: "Стоят леса темные от земли до неба. ... Нет через них ни прохода, ни проезда. Только птицам под стать и под силу трущобы еловых и сосновых боров.... А человеку, если и удастся сюда войти, то не удастся выйти" [1, с. 37-38].

Помимо таких лесов, словно наводящих человека на мысли о своем ничтожестве и бессилии, внушающих "чувство тягостного одиночества и непобедимого ужаса... перед злыми немилостивыми богами" [1], существовали у восточных славян и "заповедные рощи" — леса, в которых запрещалось рубить деревья, где каждое дерево считалось неприкосновенным, охраняемым "не писаным, но гласным законом". Такие почитаемые леса были у всех славянских народов. Они представляли собою своего рода естественные святилища, места благодатного сосредоточения и поклонения, в христианской традиции получившие названия "пустынь". Благодатный или пугающий, заповедный или непроходимый, лес древних славян был живым,

**УХОВА
Ирина
Владимировна** —
кандидат
искусствоведения,
доцент кафедры
теории музыки
Белорусского
государственного
университета
культуры

имел душу. Душою его были фантастические существа — лесные духи. Самым известным из них являлся ЛЕШИЙ.

Он воплощал неподвластную и зачастую враждебную человеку часть пространства, считался хозяином леса и зверей. Представления о лешем довольно устойчивы у славян и сохраняются во многих жанрах народного творчества (поверьях, бывальщинах, заговорах, пословицах) вплоть до начала XX в. Впрочем, это касается тех мест, где леса занимают значительную часть территории, как в Беларуси, Польше, на севере России. "Там же, где лесов мало или вовсе нет, о лешем либо вообще не знают, либо рассказывают о нем сказки" [2, с. 414].

В больших лесах существует иерархия лесных духов. Главным среди них считается лесной царь ("лес честной — царь лесной"), который "со своей женой — лесной царицей — правит в своем царстве, и ему повинуются все остальные духи — лесовики, боровики, моховики" [3, с. 177]. По некоторым сведениям, у русских имеются еще подкустовник и кустица [4, с. 237], а у белорусов — пущевик, гаюн и купальский дедок [5, с. 61–64]. К семейству лесных духов у восточных славян относятся также жены леших — лешахи, или лесные девки, и их дети — лешени, или щекотуны.

Леший обитает в глухих непроходимых лесах, главным образом — еловых, где стволы деревьев покрыты до самого верха мхом и "лишайями, украшающими их наподобие бород" [1, с. 38]. Связь с лесом отчетливо проявляется в облике лешего. В мифологических

рассказах и поверьях он нередко предстает в виде дерева, куста, пня, самого леса. "Голова его покрыта длинными кудрями, так что напоминает верхушку сосны" [6, с. 78–79], "в волосы вплетены зеленые ветки" [7, с. 36], кожа жесткая, как кора дерева, лицо словно поросло мхом или белое, как береста. Он может "показаться елью мохнатой или разлечься белым мхом по земле" [3, с. 140].

В основе представления о лешем как о хозяине леса, безусловно, лежат остатки древнеславянского культа деревьев и развившиеся на его основе представления о дереве как "обителе духа", о деревьях, покровительствующих человеку. Все растения, с которыми связан леший, относятся к числу наиболее почитаемых у славян: ель, сосна, береза, рябина, верба. Осина в связи с лешим упоминается уже тогда, когда вера в лешего начинает угасать.

Растительные черты и атрибуты в облике лешего являются наиболее древними: когда-то славянский леший, видимо, был целиком фитоморфным персонажем, но более поздние свидетельства добавляют ему животные (зооморфные) и человеческие (антропоморфные) черты.

Зооморфные признаки лешего отражают его связь с животным миром, власть над всеми обитателями леса — зверями, птицами, гадами. Как хозяин лесных зверей леший имеет черты волка и медведя, напоминающая их порою внешностью, голосом или повадкой. На зайцев, белок леший играет в карты с соседними лешими. Существует поверье, что если белки (зайцы) целыми стаями забегают в города, значит, у леших

была большая игра, "и побежденная сторона гнала проигрыш во владения счастливого соперника" [1, с. 39].

Увеличение антропоморфных черт в облике лешего связано с удалением его от языческого прообраза, с определенным "обыванием" этого мифологического персонажа в суевенных народных рассказах XIX и начала XX в. Обычно леший высокого роста (больше сажени), с длинной седой или зеленой бородой и длинными же растрепанными волосами. Он свободно перешагивает через реки и озера, поднимает один несколько кряжей, а "когда разыгрется в лесу во время бури, то с корнем вырывает могучие дубы, на куски ломает вековые сосны" [6, с. 78]. Таким образом, в антропоморфном образе лешего запечатлены черты не столько людей, сколько великанов.

Леший не только царь леса и зверей, но и дух, враждебный человеку. Как всякий дух, он не имеет тени, никому не показывает своего лица. Он нем, но издает множество звуков. "Он свищет, хохочет, хлопает в ладоши, громко кричит на разные голоса" [8, с. 337], вторит эхом, поет (воет) без слов. "Леший способен передавать голоса всех обитателей своей области — от медвежьего рева до жужжания комара" [9, с. 51].

По отношению к человеку леший выступает если не вредителем, то, по крайней мере, недобрым шутиком. Он похищает людей — девушек в жены, детей, проклятых родителями, некрещеных младенцев. Встречаясь в лесу с человеком, леший пугает его хохотом, отнимает память,

насылае наваждзены, сбівае с дарогі, заставяе плутать. Но дае вступіць лешага, можна зашчытацца ад яго. "Уберацца ад лешага нетрудна: он боіцца лутовкі, т.е. очишчанага ад коры сухага ліпавага поляна. Боіцца он таажа агня і солі. Матерная брань таажа зашчытае ад лешага, і это адна із прычін столь шырокага распастрэння такой брані у рускага народа" [2, с. 415]. Впрочам, браніцца таажа надо к месту і ко врэмені: за неуместную брань лешыі можае сурова наказаць [10, с. 335].

Повер'я о лешам прывлекалі увагу ісследавателів рускага фольклора і славянскага міфалогіі с канца XVII в. Образ лешага сраўнівалі с дэманалогічэскімі персанажамі другіх народав, в том числе — антычнымі сатырамі (М.Попов, М.Чулков, А.Кайсаров, Г.Глінка, П.Строев). Характэрныя чэрты і асабеннасці павадзеньня лешага по сабраным в XIX в. і началі XX в. повер'ям апісывалі А.Афанасьев, С.Максімов, Д.Зеленін, в Беларусі — Е.Ляцкіі, А.Богдановіч, Н.Нікіфаровскіі. Во втараі паловіне XX в. к нім абрацалісь С.Токарев, Э.Померанцева, И.Разумова, Н.Крынчная.

Прычыны узнікнення культа леснага духа (лешым он стал называцца лішь в XVII в.) аб'ясняюцца ісследавателімі пазрэзнаму. По мненію С.Токарева, культ лешага создан славяніном-земледельцам, котарыі боіцца леса і населял яго страшнымі сущэствамі [11, с. 79]. Э.Померанцева счытае, што вера в лешага п'явілася уже у скотаводав — в пользу эаго гаворіць шырокае распастрэнне расказава о дагаворах лешага с пастухамі [12, с.

30]. В.Пропп же вудіт в нем божаство дрэвніх охотнікав — "антропоморфізаваннае жывотнае, власть над котарым дае власть над охотнічымі жывотнымі" [13, с. 158]. В эатом паследнем славянскіі лешыі пахож на свох інозёмных сабрацьев — антычных пана сатыра, сілена, фавна (сільвана), южнаславянскаго волч'яго пастыря, эстонскаго леснаго духа, скандынавіскаго скучсмэна і юлбока, мордовскую вяр'яву. Пры рэгіанальных разліч'ях этых духав все оні являюцца пакровітэлямі леснаго звер'я.

О дрэвнасці і значымасці лешаго у восточных славян свідэтэлюе блызоць рускаіх, беларускаіх і украінаіх суевэрных расказава о нем. Их аб'яднаюць абшыя сюжэты, мотывы, аднакавыя атрыбуты і функцыі персанажа, а таажа едынэе прэдыпосылка възнікнэвэння: страх прэды таінастэвнымі леснымі прэсторамі, персанафікацыя непрыятнасцей, грозяіх чэловеку в лесу.

Укрэпывшысь в XIX в. в качэствэ аднаго із глэвных персанажэв в фольклорыстыкэ і этнаграфіі, лешыі вслэд за этым нэізьбежна пронікае в худэжэствэнную літэратуру і абразытэльнае іскусство. В рускаі худэжэствэннаі літэратурэ началі XIX в. яго імя і абраз вступраюцца нэчаство. Наіболэе ізвэстнымі по-прэжнэму остаюцца пушкынаі строкы: "Там чудэса: там лешыі бродіт". Упомянае яго во вступлэніі к "Руслану і Людмилэ" (1820), А.Пушкын тэм самым косвэнно падывэрждае папулярнасть эаго персанажа народнаі фантазіі. Он назван в адном р'яду с наіболэе ізвэстнымі і частво вступраю-

щыміся в літэратурэ і іскусствэ сказочнымі персанажамі і прэдыметамі — русалкай, богатырямі, Кашчэем, ізбушкай на кур'ях ножаах і ступой с Бабу-Ягой. Лешыі в "Русланэ..." толькы назван — кака-лібо характэрныа абразы атысутствэуе.

Чуть болэше нам сабшаюць другыя істочныкы — напрымэр, стыхатворэніе П.Катеніна "Лешыі" (1816). Балладныі стыл і сюжэт здэсь нэсомнэна навяяны мотывамі страшных суевэрных расказава о вступрачэ чэловека с лешым в лесу начьоу і о власты лешага над люд'ямі, нарушывшымі слово. Цэліком антропоморфнаы абраз недобраго леснаго старычка ("И нагбэнныі дрэв в'язанкай старычок ідэт сэдой. Ростом мал, угрюм осанкай, вуд насмэшлывыі і злой") опіраецца на самыя поздыне фольклорныя прэдыставлэніа, в котарых лешыі аб'яднаецца с другымі домашнымі і прыроднымі духамі в абшыю катэгорыю "злыднэі", ілі "нэчыстыков".

В поэзіі XIX в. абраз лешага нэ толькы рэдок, но і нэустойчыв: яго частво смэшываюць с болэе ізвэстнымы отэчэствэннымы ілі інозёмнымы "сабрацьямі", наделая яго іх прызнакамы. Так, у В.Жуковаго он пахож на сатыра ілі пана: "То вдруг із-за сэдога пня выходіт лешыі козланогыі" ("К Воейкову", 1816). А у И.Сурыкова — на дракона ілі Бабу-Ягу: "Воь над лесом мчыт лешыі с головой косматай" ("Бабушкыны сказкы", 1874). Счастливым ісключэніем являецца стыхатворэніе Л.Мея "Лешыі" (1861), гдэ абраз леснаго хоз'яіна воссоздан с ісключытэльнай тчытэльнастьоу і в полном саотвэстывіі с соврэменнымы ав-

тору фольклорнымі прадставленнямі. Это аднакова праяўляецца як у апісаннях знешнасці лешага, так і ў абрысавке яго паводок і образа жыцця, што ў сацяванні са спакойнай павестьватальнай манерай изложения побуждае разглядваць даннае прадзведне как рэальны істочнік інфармацыі аб ізнестым міфалагічэскім персанажэ — толькі изложенной ў нескількі прэсноватай сентымэнтальнай манера і свабоднай пэзічэскай фарме:

*Вдали дубняк; да Леший
Всех выше головою:
Рога торчат сквозь космы,
Копыта под землею...
Владыка полновластный
Зеленого народа;
Он всей лесной державе
Судья и воевода.*

Л.Мей. 1861

Гораздо чащэ встрычаецца і інтэрэснэе выглядіт образ лешага ў рускай пэзіі пачала ХХ в. — у В.Брюсова, С.Есенина, Н.Клюева, С.Клычкова, В.Хлебнікова. Іменна ў ных он становіцца не праста хаджэственнэм образам, а пэзічэскім сімвалам — воплощэннем “жывой” одушевленнай прыроды (дух лэса, хазяін звэрэй) і, аднаваменна, нацыянальнай характэрнаста, народнай “пачвэннаста” (антропоморфны і облік, блізкіі крестьянскому).

Наіболевэ палседаватэльно фітаморфныя дэталы обліка лешага рэсует Н.Клюев. Его лешій — это “пень, ему сто лет, он в шапке с сивой бородой”, “у лесового нос — лукошко, волосья — заросли ракит” (сб. “Лесные были”, 1913). У С.Есенина “по лесу лешій кричит на сову”, “плачет у сосны — жалко летошней весны” (стухотворенія 1916 г.). С

появлением лешага пробуждается и наполняется звуками природа: качаются и стонут деревья, “оживают кочки. пни” (С.Клычков), “теплятся гнилушки” (Н.Клюев), “огни сыплются по яру”, поет глухарь.

*Встал в овраге леший старый,
Оживают кочки, пни...
Вон с очей его огни
Сыплются по яру...
Лист пробился на осине,
В мох уходит лапоток,
А у ног его поток,
Сумрак синий-синий!..
Бродит он один по лесу,
Свисли уши, как лопух.
И поет глухарь-петух
На плече у беса...*

С.Клычков. 1912.

Утверждая нерасторжимость связи лешага с живой природой, с лесом, В.Хлебников наделяет его эпитетом “зеленый”:

*Зеленый леший — дух лесиный
Точил свирель,
Качались дикие осины,
Стенала благостная ель...
Вздыхались руки-грабли,
Качалась кудель,
И тела стан в морщинах дряблый,
И синяя видель.*

В. Хлебников. 1912.

Обутый в лапти, леший пачала ХХ в. напоминает старика-крестьянина или пастуха, занятого простым будничным делом в пэзічэскай абстаноўке вэчэрнега лэса:

*На погосте свечкой
теплятся гнилушки,
Доплетает леший
лапоть на опушке...*

Н.Клюев. 1914.

*Вышел леший, сел на пень,
Чует запах деревень,
Палку новую кремнем обтесывает,
Порой бороду почесывает,
Сидит, морщится,
Уши у него топорщатся...*

В.Брюсов. 1912.

Ничем не прыкрытая старость, неприглядная немощь, почти уродство в облике лешага воссозданы в пэзіме В.Хлебнікова “Вила и лешій” (1913), “Горбатый лешій”, “тучный и седой”, чье “брюшко серебристо-лысое ему давало сходство с крысой”, “он гол и наг: ветхи колосья мехов, упавших на бедро”, “он гуп... он скряга”. Не характэрнае для рускай пэзічэскай традыцыі откровеннае унічажытэльное апісанне лешага, вазмозжна, абьясняется нарочытым смешеннем его черт с чертами античных сатиров: “мозоль космагую копытца скрывала травка медуница”.

Чащэ вэсего к образу лешага в пэзіі абрацался Н.Клюев. Наіболевэ палседаватэльны і неутымімы пэвец “деревянной Руси”, он вдел в нем не толькі воплощэнне душі прыроды, но і одін из сімвалав прэжнэй Россіі, не тронутой гражданскай войной, урбанізацыяй і індустріялізацыяй, несущымі смерть жывой прыроды: “К нам весті черные прішлі, что больше нет родной земли... И жгут по Керженцу злодеи зеленохвойные кремли” (Н.Клюев, 1932). Образы лэса і лешага заметно омрачаются в пэзднем творчэствэ Н.Клюева. Теперь в лесу повсюду “кочевья леших и чертей” и “росомахи, злые рыси, что водят с лешим хлеб и соль”. В годину, “когда черемуха убита” и “жимолости куст облился кровью на рассвете”, самого лешага вряд ли могла ждать другая судьба. Для ее апісанія пэзт находит образ необычайной пронзительной силы: “меж омертвевших пней” лешій “по лап-

ти пилами обрезан" (Н.Клюев, стихотворения 1932 г.).

Несмотря на достаточное количество стихотворных свидетельств, представление о русском литературном лешем будет неполным без обзора прозаических жанров. Упоминание лешего (равно как и других персонажей народных верований) в русской прозе, как правило, связано с насыщением ее фольклорными материалами и стремлением автора к более красочному воссозда-

нию картин народной жизни и особенностей народного мышления. Уже в середине XIX в. появляются небольшие повести и рассказы, содержание которых составляют изображения "героев" народной фантастики, созданные на основе под-

линных фольклорных источников — обычно быличек или бывальщин. Таковы, например, "Лесные диковинки" Л.Мея (1859), где среди прочих персонажей есть и лешачиха.

Такие же фольклорно точные упоминания лешего можно встретить и в крупных произведениях, где вымышленные демонологические персонажи соседствуют с реальными героями. Так, в романе "На ножах" Н.Лескова (1871) описан обряд добывания "живого огня", который, по народным поверьям, должен "подпалить коровью смерть". У крестьян, со-

бравшихся ночью в старом лесу на "огничанье", беседа естественным образом касается лешего, который может помешать начатому делу. "Против лешего у нас на сучьях пряжа развешена. Леший на пряжу никак не пойдет... Ему нельзя, он если ступит сюда, сейчас в пряжу запутается".

Встречается образ лешего (домового, кикиморы, Бабы-Яги) и в русской мемуарной литературе, где он связан, как правило, с воспоминаниями детства, сказками и суеверными

ронуло развенчание романтических идеалов, свойственное рациональному и скептическому мышлению писателей рубежа XIX и XX вв. Он не подвергся осмеянию (как, например, русалки), но не избежал иронии. В раннем рассказе-сказке А.Чехова "Наивный леший" (1884) описание лешего забавно сочетает в себе признаки пасторали, лубочной картинки и сатиры. Но сатира в данном случае направлена не против лесного духа, а против человека.

рассказами, когда-то слышанными и пересказанными автором. "Меньше всего дедушка знал про лешего, потому что этот жил где-то далеко... и только иногда заходил к нам в густой ракитник, чтобы сделать себе новую ракитовую дудку и поиграть на ней" (Н.Лесков). Общим свойством таких произведений являются национально-характерный колорит и фольклорная достоверность описания персонажа, окрашенного мягким ностальгическим оттенком.

К счастью, лешего в русской прозе почти не зат-

"В лесу, на берегу речки, которую день и ночь сторожит высокий камыш, стоял в одно прекрасное утро молодой симпатичный леший. Возле него на травке сидела русалочка, молоденькая и такая хорошенькая...". Так начинается сказка А.Чехова. Далее следует рассказ о том, как, будучи послан русалочкой к людям "поучиться уму-разуму", леший, как ни старается, не может научиться у них ничему, кроме нечестности, мелочности и лени.

В чеховском лешем нет, фактически, ничего от фольклорного прообраза. Его с таким же успехом можно было назвать "молодым симпатичным домовым", или, еще проще, "молодым симпатичным провинциалом" ("иностранцем", "инопланетянином" — словом, чужаком). Имя лешего в данном случае — только знак близости героя природе, его при-

надлежности иному, естественному и чистому миру, далекому от человеческой меркантильности и душевной нечистоплотности.

Полное представление о лешем в русской литературе можно составить, однако, только после чтения романа С.Клычкова "Чертухинский балакирь" (1926), в котором он является одним из главных действующих лиц. Герои романа живут в темной лесной стороне в те времена, когда еще были там лешие и домовые, а в реке водили хороводы русалки. Живут в гармонии с миром, единении с природой, в понимании того, что все вокруг них живое и имеет свою плоть и свою душу. Потому леший для них — таинственный, но вполне возможный лесной сосед.

Лешего С. Клычков описывает подробно, любовно: и происхождение его (из старого дерева), и внешность (похож одновременно на "мохнатую кочку", лесного зверя и не то мужика, не то бабу), и повадки (способность менять рост, принимать разные обличья). И особенно — его своеобразное миропонимание, самобытную крестьянскую пантеистическую философию. В системе взаимоотношений человека и природы он выполняет функцию связующего звена между двумя мирами. Через его посредство человек (чертухинский балакирь Петр Кирилыч) получает возможность говорить с природой, узнавать ее скрытые стороны, понимать ее внутреннюю жизнь. В прозе С.Клычкова ощущается почти языческое восприятие человека как части единого живого мира, сосуществующего рядом с травой белоусом, рыбой сомом, птицей дерябой — и наравне с ними. Лешие, домовые, русалки у С.Клычкова — это не только воплощение поэзии природы, но и ее гармонизирующая сила. Исчезнут они — и природа лишится души, а человек — способности понимать ее вечную красоту. Жизнь утратит гармонию.

"Теперь у нас в леших не верят, да и леших самих не стало в лесу. ... А было время — и лешие были, и лес был такой, что только в нем лешим и жить, и ягоды было много в лесу, хоть объешься, и зверья всякого-разного как из плетуха насыпано, и птица такая водилась, какая теперь только в сказках да на картинках. ... Надо думать, и такое время придет, когда не только леших в лесу или каких-нибудь там девок в воде, а и ничего вовсе не будет, кроме разве пней да нас, мужиков. ... Только тогда земля будет похожа сверху не на зеленую чашу, а на голую бабью коленку, на которую, брат, много не наглядишь!" (С.Клычков).

Мы видим, таким образом, как сильно изменились за все это время отношение к лешему и представления о нем в русской литературе к началу XX в. Из мрачного и злого вредителя (у П.Катенина) он превращается сначала в небезопасного соседа (у Н.Лескова и Л.Мея), а потом в доброжелательного помощника (у С.Клычкова). Из воплощения нечисти — в воплощение души природы (у Н.Клюева). В XX в. леший, как и сам лес, как стихийные силы природы в целом, уже не пугает человека. Он, напротив, вынужден спасаться бегством от людей с их бензопилами, машинами и повсеместными "народными стройками". Литературный леший XX в. вызывает у человека не страх, а симпатию и сострадание. И еще, пожалуй, желание уберечь его. Каким будет леший в литературе XXI в. — и будет ли вообще — пока неизвестно. Но так бы хотелось, чтобы в жизни и в искусстве осталось место и для "зеленохвойных кремлей" лесов, и для их таинственных обитателей.

Максимов С.М. Нечистая, неведомая и крепкая сила. — М.: Терра, 1996.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. — М.: Наука, 1991.

Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. — СПб.: Литера, 1996.

Шуклин В.Я. Мифы русского народа. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997.

Беларуская міфалогія: Дапаможнік. — Мн.: Універсітэцкае, 2001.

Богданович А.Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. — Мн.: Беларусь, 1995.

Ляцкий Е.А. Представления белоруса о нечистой силе / Этнографическое обозрение. — 1890. — № 4. Кн. VII.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. Т. 2. — М.: Индрик, 1994.

Никифоровский Н.Я. Нечистоты, свод проstonародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. — Витебск: Н.А.Панков, 1995.

Русский демонологический словарь. — СПб.: Петербургский писатель, 1995.

Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала века. — М.: Политиздат, 1957.

Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. — М.: Наука, 1995.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.